

*Дмитрий Райц*

## Первая казнь в моей жизни

*Рассказ*

Дедушка берет накачанный до звона футбольный мяч. Молодой, еще шестидесятилетний, он бьет по мячу с такой силой, что тот взмывает вверх, сжимается до точки, до горящей на небе темной звезды, и начинает снова расти, летя с угрожающим свистом, точно снаряд, и... по моей пятилетней голове.

Память летит вслед за этим треклятым мячом. Вдруг вспомнил диалог со старшим братом-первоклассником про смерть и перочинный ножик:

— Вот этот ножик, — говорит он мне, — после моей смерти перейдет по наследству тебе.

— Спасибо, но я думал, мы будем жить одинаково, — отвечаю я бесхитростно.

— Ну, я постарше, я на пару дней раньше умру.

Как рисунок орангутанга — глупые, но милые в своей неожиданности мысли.

Или разговор с мамой:

— Только научился платить, как... как... — я глотал слезы из-за деноминации рубля. — Ельцин козел!

— А ну не говори так! Вот соседи услышат, расскажут милиции, и нас с папой посадят.

Когда что-то ноет или болит, когда жалко себя и грустно, легче поверить, будто бы в детстве еще не было зла, обид, неприятностей и всего дурного... Но я вспомнил совсем иной случай.

Начиналось лето. Закончился первый класс. Я был в гостях у Кости Апостола... Фамилия Кости была Муравьев. На уроке во время рассказа о казненных декабристах, среди которых был Сергей Муравьев-Апостол, с задних парт раздался крик: «Ха! Апостол!» Так Костя Муравьев стал Апостолом.

На июнь я уезжал к дяде, а июль и август проводил на даче. Зашел к Косте попрощаться до конца лета.

Мы спорили про «Остров сокровищ»:

— Долговязый Джон Сильвер.

— Одноглазый Джон Сильвер.

— Да долговязый же, ну.

— Сейчас водички попою и вернусь, — сказал Костя, уходя на кухню.

Я заметил на полке яркую пружинку всех цветов радуги, от каждого охотника до фазана. Вроде бы ее пускали красочно переваливаться вниз по ступенькам.

---

*Райц Дмитрий Владимирович* родился в 1990 году в Новосибирске. Окончил Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики. Автор книги «Случаи с англичанами» (2020).

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

И девчонки, кажется, прыгали через нее как через скакалку. Откуда такая пружинка взялась у Кости, не понимаю.

Я взял ее в руки, радуга растянулась до самого пола. Чтобы сделать бублик, я соединил концы, но пружинка перевилась. Попробовал распутать. Не получилось. Костины шаги. Положил ее на место. Я представил себе ссору, скандал, наказание, разочарование родителей, его и моих. «А был на хорошем счету...» И еще в голове крутились непонятные, но страшные слова «возмещение ущерба».

Костя вернулся в комнату. Мы еще обсудили список литературы на лето, и я пошел домой, где меня пугал теперь каждый телефонный звонок. Я даже договорился с бабушкой в этот вечер первым брать трубку, надеясь перехватить скандал. Но телефон молчал.

В телевизоре без сил лежал на троне русский царь. Он тихо пел:

— Я чувствовал, вся кровь мне кинулась в лицо и тяжело опускалась... — он закрыл десницей глаза и вдруг с пения перескочил на вопль. — О, совесть лютая, как страшно ты караешь!..

Я заплакал.

— Ай да Мусоргский, — сказала бабушка, но вскоре переключила на бразильский сериал о страстях на фазенде.

Следующим утром мы поехали к дяде. Раньше, проезжая мимо бесконечных полей, я мечтал дойти до далеких деревьев у самого горизонта и погулять между ними. Но теперь, глядя в окно, я думал только о том, как в это самое время Костя проклинает меня. Что я наделал? Зачем мне вообще понадобилось что-то трогать дома у Кости?

Проехали Томск, потом хвойный лес в тучах гнуса и наконец добрались до деревни. С дядей я встретился уже совершенно больным.

— Ну вот и вы, дети асфальта, — приветствовал дядя нас с братом.

Поначалу снились кошмары, как приходит милиция, надевает на меня наручники и ведет на суд. Приговор выносился то моими родителями, то Костей, а однажды я сам обвинял себя с высокой трибуны. Заодно милиция забирала родителей, за мои слова насчет Ельцина.

Я просыпался с чувством тяжелой, ноющей, безнадежной горечи. Хотелось уткнуться головой в подушку и никогда больше не вставать с постели. Но я вставал, завтракал, и становилось немного легче. Вскоре отчаянье наваливалось с новой силой. Тяжелее всего было вечером, с наступлением темноты... Я стал молчаливым, часто вздыхал и весь как-то суетился — хотелось спихнуть с себя это отчаянье, но что делать? «Что делать? Рассказать? — измученно думал я. — Нельзя. Страшно». Мама даже спросила, не болят ли у меня зубы. На всякий случай она записала меня к стоматологу.

Ни поездка на мотоцикле за кедровыми шишками, ни то, как дядя отгонял пустой канистрой назойливых и страшных свиней, ни даже рыбалка в затонах Томи не могли развеселить меня.

— Митька меня стесняется, что ли? — спрашивал дядя у мамы. — Не пойму, ведет себя скромно.

— Да нет, какая скромность, — отвечала мама. — Тут первая любовь, я уверена...

Папа молчал, он тоже подумал про первую любовь, но не хотел подвергать меня излишнему любопытству взрослых. Несмотря на кажущуюся безучастность, папа всерьез задумался над вопросом и даже понял, кто бы из класса это мог быть.

— Улыбочку! Димка, ну-ка улыбнись.

— И на мой щелкни еще.

Дядя сфотографировался с племянниками, и мы поехали обратно. Недавно я наткнулся на эту фотографию. Теперь, когда все прошло и забылось, мне просто смотреть на нее и удивляться, как можно было всерьез страдать от запутанной пружинки. Дети же постоянно что-то ломают, они должны легко переживать... Хотя никому они ничего не должны.

Костя с пружинкой постепенно утрачивал очертания, и муки совести остались сами по себе. Казалось, все это навечно.

А может быть, муки совести — необходимая часть взросления? Наступил июль, и мы с братом очутились на даче. Жизнь других продолжалась счастливо и спокойно. Я завидовал. Иногда, чтобы побыть одному, я прятался в зарослях клена. На месте усидеть я не мог, а для расхаживания из угла в угол там не было ни места, ни углов. Поэтому я стоял и, вздыхая, смотрел сквозь листья на дачную дорогу и большие ворота. Прошлым летом мы с братом открывали ворота для проезжавших машин, беря с них за это деньги... Теперь то хорошее время казалось чем-то бесконечно далеким.

«Все-таки рассказать? Брату, — думал я. — Он сможет посоветовать. Он пятиклассник».

— Все-таки рассказать Косте, как думаешь? — спросил я брата.

— Не стоит. Он ябеда. Может быть скандал.

— А маме?

— Хочешь разочаровать ее — рассказывай, — ухмыльнулся он. — Накажут.

Ничего нового.

— Что же мне делать? — напрасно я ждал облегчения.

Брат задумался.

— Купи на свои деньги такую же штуку. Потом придешь к нему, подмени незаметно.

— Он не мог не заметить! — я уже плакал.

— Ну, тогда я не знаю...

— Только не говори никому, пожалуйста!

А вдруг он ничего не заметил? Нет шансов, он не мог... И все же. Вдруг? Нет, этого не может быть... От надежды только хуже.

На выходных приехали родители. Брат сказал им:

— Скоро мой день рождения. Хочу... Не знаю названия... Большая такая пружина всех цветов радуги. Хотя нет, слишком девчачье, ребята не поймут, — со злой усмешкой он смотрел на меня.

От надежды только хуже. Если остается надежда, не наступает смирение.

Хмурым июльским утром дедушка зашел в комнату проверить, проснулся я или нет. Начал он с присказки:

— «Так» сказали мы с Петром Ивановичем.

Обычно я притворялся спящим, но никак не мог сдержать улыбку. Теперь мне не хотелось улыбаться, и я изображал сон совершенно серьезно. Дедушка тронул меня за плечо.

— Что такое, пижон?

Я открыл глаза, но ничего не ответил.

— Что за морда лица? Выглядишь так, будто у тебя беспокойная совесть.

Я вздохнул.

— Ты еще слишком мал для беспокойной совести. Подъем, боцман Дзюба!

Позавтракали. Дедушка вытащил из сарая велосипед. Я летел от ворот вниз по склону, проезжал по улочке, разворачивался у колонки и возвращался к воротам. Ветер свистел в ушах, и слезы щипали глаза. Я забыл обо всем и видел только зеленые пятна травы и камни, скакавшие под передним колесом.

Брат оторвался от телевизора. Мы улеглись на старую тахту. Дедушка достал из-под подушки потрепанную книгу про Шерлока Холмса и стал читать вслух... После обеда пошли на озеро. Из воды торчали камыши, крикала одинокая утка. Дачные ребята говорили, что есть тайная тропа, которая ведет на островок в заболоченной части озера. «Отличное место для логова Степлтона», — весело думал я.

Вдруг завyla собака. Я вздрогнул.

— «Остерегайтесь ходить по болотам, когда темно и силы зла властвуют безраздельно», — вспомнил дедушка и усмехнулся.

Вечером повторяли финал чемпионата мира по футболу. Французы опять забивали Бразилии три безответных мяча. Прекрасный день.

Я лег в постель. Пружины кровати заскрипели, и я вспомнил пружинку, пеструю, Костину, которую я испортил.

— Дедушка?

— Хочешь что-то сказать, барчук?

— Ничего. Красиво Зидан забил, правда?

И все же, вдруг Костя не заметил? Нет, нет, нет... Скоро август, и скоро мы встретимся. Что будет? Такая мелочь испортила мне всю жизнь! Я же не плохой, за что мне это? Изменить бы всего одну маленькую случайность в прошлом, не трогать проклятую пружину, и были бы хорошие каникулы!

Проходят дни, проходят и месяцы. Испорченное лето не может не завершиться. Я пошел к Косте Апостолу без предварительного звонка. «Не знаю что, но что-то сегодня решится», — думал я. Самое страшное, что может быть — поссоримся и конец дружбе. До кулаков вряд ли дойдет. Попытаюсь объяснить, что куплю такую же новую. Как рассказать маме? Потом, все потом...

Совесь, как и любое чувство, не подчиняется логике. Доводы не успокаивали, я не верил, что все кончится. Я шел на первую в моей жизни казнь.

Костя открыл дверь.

— О, привет!

В том возрасте мы еще не жали друг другу руки, поэтому я просто прошел на место моего преступления. Немного удивился, что в комнате ничего не изменилось, и стал ждать. Ох, Шерлок Холмс расколол бы меня за одну трубку...

— Весь список прочел? — вернулся Костя к июньскому разговору.

Пружина лежала на полке, переливаясь цветами от «как однажды Жак-Звонарь» до «городской сломал фонарь».

— Книгу по патриотической тематике прочел?

— Не успел, — ответил я и ненароком взял пружинку. Она была распутана.

— Что будешь делать? — спросил Костя.

Облегчение наступало постепенно.

— Скажу, что прочел «Войну и мир». Бабушка говорит, там про войну с французами. Расскажу про Бородино.

«Гора спала с души» — на ум приходили одни банальности. Как за все это время я не догадался, что Костя ее распутает? С пружинкой в руках я сел на стул. Чтобы еще раз убедиться, что все позади, и хотя бы символически изменить прошлое, я опять соединил концы радуги. И она запуталась...

Я уставился на Костю, но он сказал:

— Дай. Я научился распутывать, — он покрутил ее и запросто разъединил концы. — Хочешь, тебя научу?

— Нет, я запутываю, ты распутываешь.

— Ну ладно, пошли поиграем в комп...

С тех пор я много чего ломал в своей жизни, но не помню, чтобы совесть меня мучила так долго и беспощадно. Первый приступ болезни самый сильный, потом организм приспосабливается. Наверное, что-то такое происходит и с совестью...

Как же хорошо, когда ничего не мучает, ничего не болит! Я вышел на улицу. Теплый августовский вечер. Снова начинается жизнь. Теперь ничто не мешает мне быть счастливым. Вроде бы еще лето, но воздух пропах горелой осенью и небо приобрело осенний окрас. Неужели конец? Да, кончено.